

Charles de Gaulle on the failure of the Four Powers meeting in Paris in May 1960

A. A. Bolshakova¹

¹M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-1-60-67

Research article

Full text in Russian

The article is devoted to the failure of the Four Powers Conference in Paris in May 1960 as reflected by French President Charles de Gaulle, who left extensive memoirs about the events of the late 1950s – early 1960s. The incident involving the espionage activities of the American U-2 reconnaissance aircraft led to a sharp confrontation between the two main participants in the summit – the USA and the USSR, which ultimately led to the failure of the international event, dubbed by journalists as the “miscarriage summit”. The attitude of the leader of the Fifth Republic to what happened is especially important in the context of the country’s new foreign policy line, pursued by its president in the late 1950s and early 1960s.

Keywords: de Gaulle; Four Powers Summit; French Greatness policy; Khrushchev; Eisenhower; U-2 flight; Memoirs of Hope

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bolshakova, Anna A.	E-mail: abolshakova12@mail.ru
	Postgraduate

Шарль де Голль о срыве совещания четырех держав в Париже в мае 1960 г.

А. А. Большакова¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-1-60-67
УДК 94

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена вопросу о срыве совещания четырех держав в Париже в мае 1960 г. в освещении французского президента Ш. де Голля, оставившего обширные мемуары о событиях конца 1950-х – начала 1960-х гг. Инцидент, связанный со шпионской деятельностью американского самолета-разведчика У-2, привел к острой конфронтации двух основных участников саммита – США и СССР, что в итоге спровоцировало срыв международного мероприятия, прозванного журналистами «саммитом-выкидышем». Отношение лидера Пятой республики к случившемуся особенно важно в контексте новой внешнеполитической линии страны, проводимой её президентом в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Ключевые слова: де Голль; саммит четырех держав; политика величия Франции; Хрущев; Эйзенхауэр; полет У-2; Мемуары надежд

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Большакова, Анна Андреевна	E-mail: abolshakova12@mail.ru
	Аспирант

В мае 1960 г. в Париже должна была состояться встреча глав четырех держав – США, СССР, Великобритании и Франции. Страны-победительницы во Второй мировой войне, призванные отвечать за стабильность международных отношений, планировали обсудить пути преодоления проблем конфронтации двух противостоявших военно-политических блоков (НАТО и ОВД). Однако встреча была омрачена американо-советским конфликтом, спровоцированным появлением самолета-разведчика США над советской территорией. Американский У-2 был сбит в районе Свердловска 1 мая 1960 г., за две недели до начала саммита. В ходе последующей встречи Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра в Париже лидер СССР потре-

бывал от президента извинений за данный инцидент, сделав их условием дальнейшего участия советской стороны в конференции.

Глава Пятой республики Шарль де Голль как хозяин организованного в Париже международного мероприятия остро переживал возникшие разногласия, пытаясь уладить противоречия, чтобы продолжить работу саммита четырех держав, о чем подробно писал в своих мемуарах: в них отражены наиболее значимые события первых лет его президентства.

«Мемуары надежд» являются важным источником по изучению образа генерала де Голля и его политического курса; в книге президент детально описывает происходившее в политической жизни Франции в 1958–1962 гг., дает исчерпывающую характеристику многим французским и зарубежным политикам, включая советского и американского лидеров.

Подготовка к саммиту проводилась де Голлем на протяжении весны 1960 г.; генерал вел переговоры с западными союзниками – Великобританией и США – в ходе зарубежных поездок, обсуждал эту тему с Хрущевым во время визита Первого секретаря ЦК КПСС во Францию в марте 1960 г. Президент вел активную внешнеполитическую деятельность, контактируя с руководителями зарубежных государств, о чем писал в мемуарах: «Внимание и уважение, оказываемое нам со всех сторон, привели меня к решению расширить контакты с заграницей <...> В эти годы, когда Франция вновь обретала в мире свое лицо и свой масштаб, визиты в Париж многих глав государств и правительств, а также мои собственные поездки к ним и поездки французских министров являлись доказательством и иллюстрацией нашего национального возрождения» [1, с. 190]. Саммит четырех держав в Париже и подготовка к нему вписывались во внешнеполитическую концепцию де Голля по укреплению позиций Пятой республики в мире и расширению ее международного влияния.

Несмотря на энтузиазм генерала в вопросе развития сотрудничества между государствами, он считал, что встреча в верхах была недостаточно хорошо подготовлена; западным союзникам не хватило времени, чтобы выработать единую точку зрения в вопросе о статусе Берлина (в конце 1950-х гг. возник острый кризис в отношениях стран НАТО и соцблока в связи с неурегулированным статусом бывшей немецкой столицы). Как отмечал де Голль, британская и американская стороны готовы были пойти на компромисс с Советским Союзом, однако Франция воспротивилась подобному решению [1, с. 204]. Как указывала известный французский советолог Э. Каррер д'Анкосс, немалую роль сыграла позиция самого де Голля, который был «самым твердым, самым непреклонным противником советского ультиматума [о статусе Берлина. – А. Б.] <...> Твердость генерала де Голля тем более стоит отметить, что его союзни-

ки, в особенности [премьер-министр Великобритании. – А. Б.] Макмиллан, склонялись к компромиссу» [2, с. 91].

Де Голль отмечал, что не вполне «разработана и общая позиция в вопросе разоружения. Эйзенхауэр, поддержанный Макмилланом, хочет, чтобы совещание в верхах утвердило подготавливаемое русско-американское соглашение о прекращении испытаний атомного оружия, запрещении для других стран, не имеющих такового, приобретать его или проводить испытания – короче говоря, чтобы совещание окончательно подтвердило привилегированное положение двух гигантов». И добавлял: «Я [де Голль. – А. Б.] заявляю, что Франция сохраняет за собой полную свободу действий в этом вопросе» [1, с. 205].

Для президента Пятой республики вопрос разоружения был довольно болезненным, поскольку Франция только начала формирование своего ядерного арсенала, провела испытания бомбы в 1960 г. По сравнению с двумя сверхдержавами ее потенциал был незначительным, и любое ограничение дальнейших разработок привело бы к стагнации и не позволило бы обрести независимость от НАТО и западных союзников в контексте ядерной защиты.

Помимо отсутствия согласованности позиций западных держав и существующих неразрешимых противоречий с Советским Союзом, геополитическая обстановка накануне саммита обострилась фактом шпионажа с американской стороны. Данный инцидент произошел как раз в тот момент, когда де Голль рассылал официальные письма участникам конференции, что он подробно описывает в книге: «В Лондоне я предупредил Макмиллана, в Вашингтоне Эйзенхауэра и из Кайенны написал Хрущеву, что назначаю первое заседание на 16 мая. Но в тот самый день, когда мое письмо летело в Москву, разыгралась отвратительная комедия, которая сорвала все. 1 мая американский самолет-разведчик был сбит в районе советского полигона пусковых установок для ракет около Аральского моря, а его пилот арестован. Нет никакого сомнения, что со стороны американской разведки это было абсурдное и тем более несвоевременное нарушение советского воздушного пространства» [1, с. 225].

Во Франции внимательно следили за последствиями американской провокации на территории СССР. Тема активно обсуждалась в дипломатической среде и средствах массовой информации. Корреспондент агентства «Франс-Пресс» в Москве сообщал об «атмосфере подозрительности» в советской столице и обращал внимание на то, что Хрущев не верит оправданиям властей США [3]. Французский посол в Советском Союзе Морис Дежан в своих сообщениях министру иностранных дел Пятой республики М. Кув де Мюрвилю подчеркивал, что отношение Первого секретаря ЦК КПСС к западным лидерам резко изменилось и что «риторика и по-

ведение [советского руководства. – А. Б.] могут поставить под серьезную угрозу перспективы разрядки» [4, р. 622].

Оставалась надежда, что, несмотря на ухудшение американо-советских отношений, саммит все же состоится и пройдет в конструктивном ключе; де Голль писал: «... Советский премьер-министр [Хрущев. – А. Б.], отвечая на мое пригласительное письмо, выдвигал страшнейшие обвинения в адрес американцев. В публичном выступлении и в ноте, направленной Вашингтону, он обвинял американцев в агрессии, преступном шпионаже и злом умысле. Однако заверил, что придет к назначенной мною дате в Париж» [1, с. 225]. Французская газета «Монд» оптимистично цитировала слова Хрущева, сказанные им по прилете в Орли: «Советское правительство сделает все, чтобы конференция достигла успеха» [5]. Однако оптимизм улетучился, когда 15 мая де Голль принимал советскую делегацию в Елисейском дворце и не мог не обеспокоиться присутствием «ракетного маршала» Малиновского, что, по словам президента, означало попытку давления СССР на западных коллег. Лидер Пятой республики понял, что советская сторона настроена занять довольно жесткую позицию в ходе предстоящих переговоров: «Было совершенно очевидно, что Советы решили или добиться сенсационного унижения Соединенных Штатов, или избавиться от совещания, которого они теперь не хотели, хотя раньше настоятельно требовали» [1, с. 226].

Де Голль в разговоре с Хрущевым заметил, что «дело с самолетом-разведчиком является всего лишь эпизодом холодной войны и гонки вооружений между Советским Союзом и Соединенными Штатами» и что акты шпионажа «бывают и с русской стороны» [1, с. 226]. Французский президент стремился занять примирительную позицию во время открытия совещания лидеров четырех держав, на котором глава советского правительства напрямую выдвинул требование Эйзенхауэру извиниться. Лидер Пятой республики подробно описывал все происходившее в тот день, подчеркивая неуступчивость руководителей СССР и их жесткость в адрес западных собеседников. Особенно сильно де Голля задело поведение маршала Малиновского, который «во время выступления Хрущева» сопровождал «его речь решительными жестами и воинствующей мимикой» [1, с. 228].

Очевидно, срыв совещания был болезненно воспринят французским руководством, вынужденным в сложившихся условиях занять сторону своих американских союзников. М. Кув де Мюрвиль писал: «Де Голль, несомненно, сыграл решающую роль в поддержке президента Соединенных Штатов Америки, поставленного главой советского правительства в условия, которые, пусть даже и в связи с досадным инцидентом, оказались [для него. – А. Б.] неприемлемыми и в любом случае, непропорциональными, когда речь шла о важности и цели Конференции, которая

должна была состояться» [6, р. 91]. Де Голль вспоминал с раздражением: «Все, что произошло затем [после срыва заседания. – А. Б.], было пустой формальностью. 17 мая рано утром председатель Совета Министров СССР устроил импровизированную пресс-конференцию прямо на тротуаре улицы Гренель, перед дверьми советского посольства, и опубликовал свои требования, не дожидаясь следующего дня, когда он подробно изложил их пятистам журналистам» [1, с. 230].

Советский дипломат и секретарь посольства во Франции В. В. Снегирев назвал реакцию де Голля на поведение советского лидера резко негативной: «Для де Голля «содеянное» Хрущевым в Париже означало, что по его расчетам использовать возможный успех именно парижской встречи четверки для дальнейшего повышения престижа Франции в мире не суждено осуществиться. Забыть и простить Хрущеву эту выходку де Голль, разумеется, не мог» [7, с. 272], что отразилось на развитии франко-советских отношений, которые ухудшились после мая 1960 г., как свидетельствуют документы советского посольства. В отчетах советника по культуре, в частности, сообщалось, что «... после срыва правительством США совещания глав правительств французские власти встали на путь торможения советско-культурных отношений. Стало известно, что французское правительство дало указание свертывать отношения между Францией и социалистическими странами в области торговли, науки, техники, культуры. Де Голль запретил поездки в СССР французских министров, префектов и других официальных лиц, приглашенных тов. Хрущевым. МИД Франции посоветовал французским импресарио свести до минимума гастроли советских артистов во Франции в 1961 г. С поста Генерального директора управления культурных и технических связей МИДа Франции отозван Р. Сейду, выступавший за активные связи с Советским Союзом. МИД Франции принимает меры к дальнейшему усилению контроля за советско-французскими культурными связями. С ведома французских властей в Париже проводятся антисоветские мероприятия идеологического порядка» [8].

Несмотря на поддержку американской стороны и осуждение поведения Хрущева, нельзя сказать, что де Голль во всем винил только СССР. Есть основания полагать, что президент Пятой республики в равной степени возлагал вину за срыв конференции на Д. Эйзенхауэра и его необдуманные действия в преддверии важнейшего и долгожданного международного события. Граф Парижский – Генрих Орлеанский, французский политик и общественный деятель, который часто беседовал с де Голлем на политические темы, – свидетельствовал, что генерал выражал недовольство американской авантюрой с самолетом-разведчиком и отчасти оправдывал реакцию Хрущева. «Наследник французского престола» соглашался с президентом, отмечая своеволие и беспорядок в американской

системе управления в ходе совершения подобного рода провокаций: «Пентагон делает, что хочет, секретные службы тоже, у государственного департамента целый ряд стратегий. Эйзенхауэр хороший человек, но он стар и не очень умен...». На вопрос: «В целом, Хрущев, атакуя его [Д. Эйзенхауэра. – А. Б.], говорил правду?» – де Голль ответил положительно [9, p. 114].

Майское дипломатическое фиаско 1960 г. продемонстрировало руководству Франции малоприятную истину: позиции Пятой республики на мировой арене зависели от состояния советско-американских отношений и обстоятельств холодной войны. Де Голлю претила биполярность как порождение Ялтинской системы, не учитывавшей французских интересов. Президент отмечал, что правила сложившегося миропорядка часто приводили к тупику в решении многих вопросов, в результате чего нередко блокировалась работа международных организаций, в ходе которой «два соперника отстаивали полярно противоположные точки зрения и исключали возможность беспристрастного суждения» [1, с. 154]. Левый голлист Ж. Дебю-Бридель подчеркивал, что де Голль всегда противился биполярному устройству мира, потому что «не хотел делать Францию ни сателлитом СССР, ни протеже Соединенных Штатов». Генерал не желал мириться с безраздельным господством двух типов обществ, одно из которых базировалось на капитализме монополий, а другое было проявлением «бюрократического и абсолютного государства» [10, p. 11].

Разрыв мира на два противостоящих друг другу блока всегда критически воспринимался французской политической элитой во многом потому, что положение их собственной страны оставалось сложным: приходилось признавать отсутствие статуса империи, следовать общепринятым западным установкам в вопросах внешней политики и отдавать первенство в принятии важнейших решений двум сверхдержавам. Еще один известный соратник де Голля, министр культуры Пятой республики А. Мальро, смотрел на блоковую систему с привычным ему любопытством и фатализмом, находя даже некую схожесть СССР и США в их историческом развитии: «Любопытно, – писал он в «Антимемуарах», – что Соединенные Штаты и Россия вместе вошли в Историю в XVIII столетии...» [11 с. 322].

Тот факт, что де Голль пытался уладить советско-американский спор и спасти совещание, говорит о его намерении создать образ Франции как примирителя и некой третьей силы, способной вести конструктивный диалог с обеими сверхдержавами, что должно было повысить статус Пятой республики в мире и подтвердить твердую линию французского руководства на развитие сотрудничества двух противостоявших друг другу блоков, на формирование независимой внешней политики и достижение «величия Франции», к которому стремился президент Ш. де Голль.

Ссылки

1. Голль Ш. де. Мемуары надежд, 1958–1962: пер. с фр. / общ. ред. д-ра ист. наук, проф. В. И. Антюхиной-Московченко и В. Н. Седых. М.: Прогресс, 2000. 340 с.
2. Каррер д' Анкокс Э. Генерал де Голль и Россия / пер. с фр. А. А. Пешкова, О. А. Чувировой. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 199 с.
3. Avion espion américain abattu par l'URSS. 07.05.1960. URL: Avion espion américain abattu par l'URSS | INA
4. Documents diplomatiques français. 1960. T. 1. / Ministère des affaires étrangères, Commission de publication des documents diplomatiques français. Sous la dir. de Maurice Vaisse. P.: Imprimerie nationale, 1995. 963 p.
5. Le Monde. 1960. 16 mai.
6. Couve de Murville M. Une politique étrangère, 1958–1969. P.: Plon, 1971. 499 p.
7. Снегирев В. В. СССР – Франция, 1962 г. (Взгляд из советского посольства в Париже) // Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы / ред. П. П. Петрик [и др.]. М.: Научная книга, 1997. С. 270–297.
8. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Д. 177.
9. Entretien du Prince avec le général de Gaulle, le 17 juin 1960, palais de l'Élysée // Compte de Paris, Gaulle Ch. de . Dialogue sur la France. Correspondance et entretiens, 1953–1970. P.: Fayard, 1994. 285 p.
10. Debû-Bridel J. De Gaulle contestataire. P.: Plon, 1970. 254 p.
11. Мальро А. Антимемуары / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2005. 631 с.